

Евгений КРЫЛАТОВ: Работать

с поколением внуков легко и приятно

Век. Москва. — 2004. — 20 февр. — с. 6

■ Наталья ЗИМЯНИНА

Песни Крылатова знает и стар, и млад. Написанные в основном для фильмов, они потом имеют обыкновение отправляться в самостоятельное плавание. Столь же свободное, сколь и счастливое. Первая всенародная известность пришла с «Песенкой о шпаге» из «Достояния республики» («Вжик, вжик — кто на новенького?»), блестяще исполненной Андреем Мироновым. Но популярны все — «Три белых коня» и «Ольховая сережка», «Зашумит ли клеверное поле» и «Лесной олень», а уж что говорить о «Крылатых качелях» и «Прекрасном далеке»!

Сегодня у Евгения Павловича юбилей. Как и что было в его жизни, он рассказывает сам.

Я, кажется, из немцев

Родом я с Урала. Родился в очень простой семье, в городе Лысьва Пермской области. Дед мой работал сталеваром. А прадед пел в церкви, на клиросе. На Урале это слово произносят «крылос»... Или «крылас». Так что фамилия наша была Крыласов. Это уж потом, перебравшись в Москву, я подправил одну букву... Хотя сейчас очень горжусь, что моя фамилия происходит от церковного клироса. Вижу в этом, если угодно, некую знаковую.

Родители были рабочими, но с музыкальным талантом. Мама пела народные песни, отец на первые же заработанные деньги купил себе музыкальный инструмент. И не гармонь, не балалайку, не гитару... Скрипку! Да еще немецкой работы — с львиной резной головой. Почему, до сих пор не знаю.

Впрочем, он иногда говорил, что его предки — уральские немцы. Были когда-то горные мастера, приглашенные в Россию из Германии еще при Демидове... Меня вот на скрипке просто не заставили играть! А отец шикарно исполнял «Чардаш» Монти.

Потом мы переехали в Мотовилиху под Пермью. Голые бревенчатые стены, мебель с инвентарными бирочками, предоставленная жилищхозом. А я все прилипал ухом к черной радиотарелке на стене. Рояля не было — играл по нарисованной на бумаге клавиатуре. В восемь лет стал сочинять пьески — «Часы», «Грустная песенка»...

Бетховен в Мотовилихе

В соседнем бараке жил мой приятель, интересовавшийся музыкой, — Саша Немтин. (Позже, в

ФОТО ИТАР-ТАСС

70-е годы, он прославился тем, что завершил неоконченную партию Скрябина («Предварительное действие»). Мы с ним росли и учились параллельно, даже у одних и тех же педагогов. Вместе закончили музыкальную школу.

А потом попали к удивительной женщине — Ирине Петровне Гладковой. Она приехала из Одессы, была пианисткой и композитором. У нее были муж и дети, а вот квартиры ей не дали — поселили в подвале. Она преподавала в училище и еще играла в опере на ударных. Как она говорила, «чтобы лучше узнать оркестр изнутри». С меццанской точки зрения, была чудачкой.

Вот она и стала заниматься со мной и Немтиным. Приезжала на занятия рано — к семи утра. А надо сказать, Мотовилиха и Пермь — это были два контрастирующих мира. Пермь — это опера, балет, симфонические вечера, выставки. Короче, цивилизация. А Мотовилиха — покосившиеся бараки, хулиганье на улицах.

Чтобы доехать до нас на трамвае, требовалось больше часа. Так что вставала Ирина Петровна в пять утра. Причем, когда моя мама заикнулась об оплате, Ирина Петровна отказалась наотрез. Спросила, сколько нам лет. Мне

было 16. «С вами, Женя, буду на вы, — решила она. — А тебе, Саша, только 14 — с тобой на ты!» И вот каждое утро, в семь, мама меня будит: «Вставай, Ирина Петровна уже здесь!»... Я сонный... А на улице мороз...

Летом она с нами гуляла. Рассказывала о музыке, чаще всего о Бетховене. Она даже затеяла в городе цикл «Все сонаты Бетховена». Мы, ее ученики — официальные и частные, — играли. Все 32 сонаты. И при полных залах.

Я одно время увлекся баскетболом, стал манкировать музыкой. Ирина Петровна рассердилась: «Я встаю в пять утра, чтобы дать вам урок. А вы не готовы! За вашу дальнейшую музыкальную карьеру снимаю с себя всякую ответственность!» Повернулась и ушла. Я и сейчас, полвека спустя, сгораю от стыда... Конечно, она сыграла в моей судьбе знаковую роль — под ее присмотром я стал сочинять уже всерьез.

Но Свешников нажал

Другим судьбоносным человеком стал для меня Николай Александрович Митрополов — директор музучилища. Взял и послал нас с Сашей Немтиным в Москву — на смотр сочинений молодых

композиторов. К этому времени я был автором струнного трио, романсов. Показал все это — и получил (как и Немтин) рекомендацию за подписью профессора Шапорина!

Без этой бумаги вряд ли посмели бы сунуться в Московскую консерваторию. А так — через полгода явились на экзамены. На композиторское отделение приняты были десять человек: три-четыре иностранца, я, Саша Немтин, Эдик Лазарев из Свердловска, Алемдар Караманов из Симферополя и москвич Альфред Шнитке.

Шнитке был самым знающим и подготовленным среди нас, все экзамены сдавал на пять, а мы — на тройки, хорошо, если на четверки.

Особенно плотно завалились на письменных работах. Ну ясно же, что не примут. Пошли к директору Свешникову: «Все, забираем документы!» В конце концов, можно было еще успеть на вступительные в Горьковскую или Саратовскую консерваторию. И тут вдруг Свешников: «Ни в коем случае! Сдавайте экзамены дальше. Пересдавайте!» Поднажались — и получили проходные баллы.

Так я попал в Московскую консерваторию. Мечтал о классе Хачатуряна, но меня распределили к

Михаилу Ивановичу Чулаки. Прекрасный человек, просто отец родной. Мне, скажем, нужно было прописаться. Нашел местечко в Подмоскowie, где меня согласились прописать. Но нужно было «дать». А откуда у бедного студента тысяча рублей (тогдашних, конечно)? Иду к Чулаки. Он тоже не миллионер. Но через пару дней протягивает пачку: «Отдашь, когда сможешь». А ведь мог и в позу встать: «Как не стыдно, ты же комсомолец!»

В кино сначала с треском провалился

Учителя учителями, но до многого пришлось доходить самому. А сколько всего, чему меня учили, как раз и не пригодилось!

«Эстраду» изобретал сам — принес несколько пьес дирижеру Юрию Силантьеву. И он, все это слегка подредактировав, сыграл.

Я стал писать музыку к театральным спектаклям — для театров Советской армии, Сатиры, Голя.

Наконец получил заказ с «Мосфильма» — двухсерийный телефильм «Жизнь сначала» с Тениным и Сухаревской. И вот тут-то я с треском провалился! В кино я мало чего понимал и решил использовать в музыке все консерваторские приемы. Написал нечто помпезное — четыре валторны играли ратробами вверх, как у Вагнера... И все мимо! В образ фильма моя музыка совершенно не вписалась. Конечно, тут нужно было придумать нечто другое — легкое, прозрачное, простое... Больше меня на «Мосфильм» не приглашали.

Я только подставил к тексту ноты

Слава богу, я нашел единомышленников на Студии имени Горького. Это были Михаил Бегин, Павел Арсенов... В его «Гостье из будущего» впервые прозвучала песня «Прекрасное далеко». И Владимир Бычков, конечно... «Вжик, вжик — кто на новенького?» — это исходило от Юрия Энтина. В его стихах был заложен весь алгоритм будущей мелодии. Я только подставил к тексту ноты — они так и просвечивали сквозь строчки!.. Я всегда иду от ритма, от характера строки. Поэтому «мои» поэты — это, как правило, крупные мастера, часто никакие не песенники: Ахмадулина, Евтушенко...

Что касается «Крылатых качелей» из «Приключений Электроника», то песня, собственно, сна-

чала называлась просто «Качели». Но дети в письмах на телевидение дружно переименовали ее. И я с этим согласился.

Играй, играй, прекрасная флейтистка!

Я хорошо помню ситуацию примерно 90-го года. Ощущение растерянности, которое охватило и меня, и многих других композиторов. Один из моих коллег вообще забросил музыку и стал торговать сахаром. Тяжелое время было — даже не столько в смысле бытовом, сколько в нравственном. Все казалось устаревшим и ненужным. Но прошло несколько лет — и ситуация изменилась. Я получил заказ, написал музыку, заработал энную сумму...

Да бог с ним, с этим. Главное — я стал работать с совсем молодыми людьми. Например, недавно написал музыку для 8-частного сериала, посвященного истории освоения сибирского Севера. Режиссеру всего тридцать — это поколение даже не моих детей, а скорее внуков. Тем не менее мы прекрасно понимали друг друга.

С другой стороны, постоянно звучат моя музыка прежних лет, мои старые песни. Недавно был в Саратове; там проходил очередной слет бардов. Вечером ко мне в гостиницу заходит Гриша Гладков и сообщает: «Жаль, тебя сегодня не было... Каждый вечер завершается какой-нибудь финальной песней — сегодня все эти бородачи с гитарами пели твою «Ольховую сережку»!»

Мои песни попадают в хит-парады молодежных радиостанций. Причем часто звучат в новых роки или поп-версиях. Или в стиле кантри... Я слышу, что гармонии порой использованы неправильно, иногда и какие-то строчки текста поются произвольно. Ну и что? Я все равно очень рад. Это значит, что песни живут! Или, если угодно, возвращаются к людям.

Кстати, свои «детские» песни — те же «Крылатые качели» — я не считаю детскими. Это скорее песни о детстве. О добре и зле. О гуманности, о любви к ближнему, о воспитании добрых чувств у людей всех возрастов. Недавно я услышал «себя»... в подземном переходе. Девушка-флейтистка играла в метро некую фантазию на тему «Прекрасного далека». Я стоял, послушал. Положил в футляр купюру и ушел.

Беседовал Аркадий ПЕТРОВ

Юбилейный вечер Евгения Крылатова состоится 28 февраля в концертном зале «Россия»